

НАД СХВАТКОЙ

ИЗВЕСТНЫЙ швейцарский драматург, уже знакомый советским читателям по пьесе «Визит пожилой дамы», Фридрих Дюренматт сказал о своей комедии «Физики»:

«Идея этой пьесы подсказана мне беспокойством за судьбу мира, неразрешенным противоречием между развитием науки и этики».

Пьеса, рожденная беспокойством, открывается обширнейшей и благодушной ремаркой на две страницы. Словно не в силах противиться искушению и потому подсмеиваясь над собой и лукавя, живописует драматург идиллию, поистине райский пейзаж, который «успокоительно, может быть, даже чересчур успокоительно действует на нервы». Тут и залитая послеполюденным солнцем горная долина, и маленький провинциальный городок, обремененный тревожностями и заботами большого мира, и старая, постепенно приходящая в запустение вилла. «Вишневый сад» — лечебница для душевнобольных.

Сюда бежит, сказавшись сумасшедшим, величайший физик всех времен Мебиус, разгадавший природу всемирного тяготения, создавший универсальную теорию элементарных частиц, открывший формулу Вселенной и т. д.

Скепсисом человека, не раз обманутого в своих лучших надеждах, рождены вопросы, которые пытается разрешить Дюренматт. Преступно ли само знание, если оно может быть употреблено во зло людям? Преступны ли ученые, овладевшие знанием и отдавшие совершенные открытия свои во власть несовершенных людей? И разве не лучше во сто крат счастливое неведение?

Герой пьесы Мебиус прилагает отчаянные усилия для того, чтобы спрятать от людей свои открытия, дабы человечество не использовало их во зло себе.

«Мы в нашей науке подошли к последней грани познания, — говорит Мебиус. — Мы зашли в тупик. Но человечество еще не пошло так далеко. Мы прорвались вперед, и никто не следует за нами. Вокруг нас пустота... У физиков есть только одна возможность — капитулировать перед действительностью. Она до нас не доросла, она из-за нас погибнет».

Думая о благе людей, Мебиус уходит в небытие, обрекает себя на добровольное заточение в сумасшедшем доме. Но все усилия великого человека приводят лишь к тому, что его труд попадает в руки злойшей преступницы. Мир оказывается во власти сумасшедшей хозяйки сумасшедшего дома.

Искренней обеспокоенностью за судьбы цивилизации пронизана пьеса Дюренматта.

Используя возможности художественной гиперболы, драматург очерчивает фантастические масштабы трагедии, кото-

рая может ежедневно, ежеминутно разражаться на планете Земля. Трагедия, в сравнении с которой обыденные людские горести и несчастья, даже такие, как трижды повторяющееся в пьесе убийство медицинских сестер, каждый раз ужасающее зрителей, — ничто, пустяк.

Но, к сожалению, драматург лишь предсказывает возможность катастрофы. Он не знает, как ее можно избежать, не видит силы, способной помешать ей свершиться. В сущности, «Физики» — это рассказ об одиноких, держащих ответ лишь перед собственной совестью. И усилия трех героев комедии остаются честными, не приносят зла людям — всего лишь усилили одиночек, обреченные на провал.

Основной пафос пьесы, несмотря на ясно ошутимую сильную сатирическую струю, — все-таки пафос сомнения, безысходной тревоги. Временами автора охватывает страх перед открывающимися безднами знания, уводящими в неведомые галактики обитателей маленькой, грешной и неустроенной земли.

Человечество в массе своей недоросло до свершений отдельных индивидуумов. Эта мысль, по воле или не совсем по воле Дюренматта, настойчиво звучит в «Физиках». Между ним, человечеством, безразличным, пока еще равнодушным к величайшим научным открытиям, и самими открывателями — преступные посредники, имущие силу и власть. И потому взлеты знания сегодня чудовищно опасны.

Пессимизм автора, его растерянность перед сложностями сегодняшней действительности не могут быть скрыты от нас. Их не искупают ни острота саркастического взгляда, ни точность деталей, ни углубляющаяся за внешней хаотичностью, даже детективной неожиданностью событий, художественная логика пьесы, ее поэтическая аллегоричность, способность мыслить серьезно и честно, которую обнаруживает Дюренматт в своей комедии.

Драматург, сказавший, что его пьеса написана о неразрешенных противоречиях науки и этики, в сущности, написал о неразрешимых противоречиях.

Человек западной цивилизации, обеспокоенный судьбами мировой культуры, Дюренматт вместе с тем не может преодолеть слабости и ограниченности своего мира. Они проявляются в нем достаточно очевидно и главное из них — чувство отчужденности людей друг от друга, которое поражает во всех трех его героях и особенно в лучшем из

В. МАКСИМОВА

них, в самом честном, гениальном Мебиусе.

Слабость «Физиков» — прежде всего в неопределенной социальной позиции автора. Объективно — в пассивной позиции. Драматург видит зло, но ограничивается лишь общими, неопределенными советами. И он, и его герои находятся «над схваткой», не участвуют в сражении.

И если Театр Советской Армии принял «Физиков» к постановке, мы вправе требовать от него совершенно ясного отношения к позиции автора, во многом далекой нам позиции. Мы должны почувствовать способность театра мыслить, трезво оценивать слабые и сильные стороны избранного произведения. Не просто повторять весь ход рассуждений Дюренматта пассивно и старательно, но утвердить свою собственную точку зрения, свой взгляд на изложенное в пьесе.

Главное впечатление от спектакля, который поставил Центральный театр Советской Армии (режиссер Борис Эрин), — отсутствие своего решения, робость, чересчур торопливая готовность следовать за чужой мыслью.

Отсюда чрезвычайно вялые, нудные ритмы спектакля, отсюда неумение сосредоточиваться на чем-то основном и главном, равнодушная всеядность — приму все, что ни дашь, — в отношении драматургического материала.

Режиссер не только не пытается осмыслить пьесу, но, больше того, не использует даже и безусловные ее достоинства. К жанру «Физиков», которые точнее всего назвать трагикомическим памфлетом, театр отнесся чрезвычайно небрежно. Сгладили, почти исчез в спектакле острейший сатирический тон. Сама постановка оказалась необычайно эклектичной по стилю. Поначалу на сцене разыгрывается заурядный детектив, затем — чуть ли не драма. А ведь сатири-

ческая, разоблачительная энергия — то главное и важное, что есть в комедии и что прежде всего может объяснить интерес к ней театра.

Ощущение растерянности и упадка духа стало в спектакле всепобеждающим и единственным. И как последний пессимистический аккорд звучат три заключительных монолога от лица Эйшштейна, Ньютона и, наконец, царя Соломона, выступающего у Дюренматта олицетворением человеческого разума, истины — бедной истины, погнанной людьми, душевное совершенство которых оставляет желать лучшего.

Вместе с режиссером терпят неудачу даже такие талантливые характерные антеры, как В. Благообразов и М. Перцовский, актриса необычайно ярких и смелых красок Л. Добрыжанская в роли Матильды фон Цапа, хозяйки сумасшедшего дома.

Спрашивается — что же в таком случае заинтересовало коллектив? Известное имя драматурга? «Мода» на физиков? Приходится останавливаться на этих не слишком серьезных причинах.

Сегодня, когда мы с удовлетворением говорим о все расширяющемся интернациональных связях нашего искусства, о новых именах зарубежных авторов на театральной афише, мы не должны забывать, что выбор всегда должен быть осознанным и серьезным, а не определяться случайным стечением обстоятельств.

Единственно возможный путь для любого нашего театрального коллектива, обратившегося к произведению западной драматургии, даже такому талантливому, как «Физики», — это путь сознательного, трезвого осмысления взглядов и идей автора, сильных и слабых сторон произведения, а подчас и прямой спор, активная полемика с автором, преодоление его ошибок в процессе рождения спектакля.